

Василий Иванович Немирович-Данченко

Суд Шамиля и удача крепости

(Очерки жизни и войны в Дагестане. Часть #2)

Немирович-Данченко Василий Иванович — известный писатель, сын малоросса и армянки. Родился в 1848 г.; детство провел в походной обстановке в Дагестане и Грузии; учился в Александровском кадетском корпусе в Москве. В конце 1860-х и начале 1870-х годов жил на побережье Белого моря и Ледовитого океана, которое описал в ряде талантливых очерков, появившихся в «Отечественных Записках» и «Вестнике Европы» и вышедших затем отдельными изданиями («За Северным полярным кругом», «Беломоры и Соловки», «У океана», «Лапландия и лапландцы», «На просторе»). Из них особое внимание обратили на себя «Соловки», как заманчивое, крайне идеализированное изображение своеобразной религиозно-промышленной общины. Позже Немирович-Данченко, ведя жизнь туриста, издал целый ряд путевых очерков, посвященных как отдельным местностям России («Даль» — поездка по

югу, «В гостях» — поездка по Кавказу, «Крестьянское царство» — описание своеобразного быта Валаама, «Кама и Урал»), так и иностранным государствам («По Германии и Голландии», «Очерки Испании» и др.). Во всех этих очерках он является увлекательным рассказчиком, дающим блестящие описания природы и яркие характеристики нравов. Всего более способствовали известности Немировича-Данченко его хотя и не

всегда точные, но колоритные корреспонденции, которые он посылал в «Новое Время» с театра войны 1877—78 годов (отд. изд. в переработанном виде, с восстановлением выброшенных военной цензурой мест, под заглавием «Год войны»). Очень читались также его часто смелообличительные корреспонденции из Маньчжурии в японскую войну 1904—1905 годов, печат. в «Русском Слове». Немирович-Данченко принимал личное участие в делах на Шипке и под Плевной, в зимнем переходе через Балканы и получил солдатский Георгиевский крест. Военные впечатления турецкой кампании дали Немировичу-Данченко материал для биографии Скобелева и для романов: «Гроза» (1880), «Плевна и Шипка» (1881), «Вперед» (1883). Эти романы, как и позднейшие романы и очерки: «Цари биржи» (1886), «Кулисы» (1886), «Монах» (1889), «Семья богатырей» (1890), «Под звон колоколов» (1896), «Волчья сыть» (1897), «Братские могилы» (1907), «Бодрые, смелые, сильные. Из летописей освободительного движения» (1907), «Вечная память! Из летописей освободительного движения» (1907) и др. — отличаются интересной фабулой, блеском изложения, но пылкое воображение иногда приводит автора к рискованным эффектам и недостаточному правдоподобию. Гораздо выдержаннее в художественном отношении мелкие рассказы Немировича-Данченко из народного и военного быта, вышедшие отдельными сборниками: «Незаметные герои» (1889), «Святочные рассказы» (1890) и др.; они правдивы и задушевные. Его эффектные по фактуре стихотворения изданы отдельно в Санкт-Петербурге (1882 и 1902). Многие произведения Немировича-Данченко переведены на разные европейские языки. «Избранные стихотворения» Немировича-Данченко изданы московским комитетом грамотности (1895) для народного чтения. В 1911 г. товариществом «Просвящение» предпринято издание со-

чинений Немировича-Данченко (вышло 16 т.). Часть его сочинений дана в виде приложения к журналу «Природы и Люди».

Василий Иванович многие годы путешествовал. В годы русско-турецкой, русско-японской и 1-й мировой войн работал военным корреспондентом. Награжден Георгиевским крестом за личное участие в боях под Плевной. Эмигрировал в 1921 году. Умер в Чехословакии.

**Василий Иванович
Немирович-Данченко
Суд Шамиля и удача
крепости**

Лезгины долго не могли оправиться после бури, описанной нами. Горные кланы потеряли массу людей в наводнении. Они опять обложили крепость отовсюду, сомкнув края своей подковы, так что ни одно живое существо не могло из Самурского укрепления прорваться теперь к морскому берегу и, следовательно, в Дербент. Шамиль пробовал казнями поднять дух горных дружин. Он нашёл виновных в прошлой неудаче, всех, кто нарушал обряды тариката, и приказал зарезать их перед отрядами. Но эти жертвы не помогли делу. Раза два-три он бросался на крепость, но теперь в его руках не было уже прежних воодушевлённых бойцов газавата, — и он с каждым днём убеждался, что только победа может разбудить опять прежний фанатизм. Напрасно мюриды оказывали чудеса храбрости, напрасно его наибы, вроде Хатхуа, стыдили окружавших, — теперь на растерявшихся горцев мудрено было подействовать. Недавно ещё лучшие воины князя Хатхуа, — Джансеид, Селим и их товарищи, предложили кабардинскому князю прорваться в крепость. Они пробрались почти к самым её стенам — но-

чью, да так, что их не заметил никто, даже собаки лаяли беспорядочно, но понять, откуда грозит опасность, не могли... Секреты тоже не заметили смелых салтинцев, проползших мимо как змеи. Ночью, когда всё успокоилось, Джансеид с двумя десятками приятелей и Ибраимом — дождались, когда за чем-то, вероятно, для смены секретов, отворились крепостные ворота, ворвались в них и подняли резню так неожиданно для наших, что несколько солдат погибло ранее, чем наверху опомнились в чём дело... Хатхуа думал, что хоть мюриды поддержат эту смелую выходку молодёжи, но Шамиль стоял на молитве, и те не тронулись. Хатхуа кинулся на помощь к Селиму, — ворота крепости ещё не успели запереть, — резня началась страшная, ночью, задавшеюся такой тёмной, что нельзя было отличить своих от чужих. Но тут подоспели назад секреты, бросились в штыки на смелых лезгин, часть загнали на двор крепости, часть перекололи, остальные едва успели унести ноги. Между последними были Джансеид и Селим. Утром они ожидали казни от Шамиля. Всё их движение носило характер самоволь-

ства, удайся оно, — разумеется, великий имам Чечни и Дагестана не судил бы их... Но теперь...

Мрачный, с потупленными глазами, пошёл за ними Хатхуа.

Его как своего наиба послал Шамиль за молодёжью.

Джансеид и Селим гордо стали перед великим имамом.

Шамиль, сидя на брошенном на землю седле, чертил что-то на песке концом кинжала.

— Твоё имя? — обратился он к первому.

— Джансеид, сын Арсалана.

— Первый раз в газавате?

— Да... Мне только девятнадцать лет. Ранее я не успел.

— А ты? — обратил он взгляд на его соседа.

— Селим, сын Абу-Бекира, салтинец...

Переспросив имена их, Шамиль опять задумался.

— Скажите, дети мои, зачем вы вчера так неосторожно бросились на крепость?

— Мы думали, что нас поддержат. Мы обрели себя смерти, желая дать восторжествовать правому делу...

— Могу ли я сказать слово? — вмешался Хатхуа.

Шамиль бросил на него быстрый и зоркий взгляд.

— Говори, сын мой.

— Я участвовал во вчерашнем деле. Лучше погибнуть в бою с неверными, чем бездействовать... Вчера ушли по домам андийцы, дидойцы тоже волнуются... Белоканцы — ненадёжны... Нужна была битва, чтобы одушевить малодушных и наполнить стыдом их сердца...

— Так, так! — взгляд Шамяля загорался. — Так, так... Ты правильно судишь, Хатхуа. Если бы у меня все были такие как эти, — кивнул он на Джансеида и Селима, — от того каменного гнезда осталась бы только груда мусора... А теперь... — и он опять потушился.

Джансеид вдруг выступил вперёд.

— Если бы мы вернулись домой без подвига, — родные бы стыдились нас, старики на джамаате корили бы и меня, и всех моих своими старыми битвами. Легче умереть было... Теперь, по крайней мере, — если ты повелишь зарезать нас, память наша останется

светлой в ауле, и свои будут гордиться нами...

— Вас зарезать?.. — удивился Шамиль и встал. — Вам умереть?.. За что? Вы умереть можете только там, — указал он на крепость. — Джансеид и Селим — я вас делаю начальниками пятисотен... Хатхуа — подай мне чарсанэ-каллу.

Тот бросился в ставку к Шамилю и принёс ему ящик.

Шамиль выбрал серебряные с чернью полулуния. На них была вычеканена надпись: «один Аллах даёт силу»... и ниже: «смелость приятна Пророку»... Торжественно он надел эти своеобразные ордена на грудь Джансеиду и Селиму.

— А вас, — обратился он к остальным, — я благодарю... Не вы и не ваши виноваты в том, что мы стоим здесь столько... Если бы все были похожи на вас, — правое дело давно бы было совершено!

Джансеиду казалось, что он видит сон. Он уже мечтал, как встретит невеста его Селтанет, каким счастьем загорятся её очи, когда она узнает из рассказов его товарищей обо всём, что случилось вчера и сегодня. Салтин-

цы окружают его сплошной стеною, и он станет рассказывать им обо всех событиях этой ночи. В честь его будут резать баранов. Пока что — наибы приезжали поздравлять удалцов, и Хатхуа искренно гордился ими.

А в это время в крепости начиналось тяжёлое время... Сухари подходили к концу. Круп давно не было... Ели коней, но и их оставалось два-три... Кнауус отдал своего... Отряду грозила скоро голодная смерть. Оправившийся уже Амед ходил по стенам и о чём-то подолгу шептался с Левченко... Они высматривали окрестности... Самур давно опал, но всё-таки в самом стремени его воды оставалось достаточно. Молодой елисуец изучал направление этой реки и сдружился в последнее время с Мехтулином... Юнкеру были обещаны эполеты, и он горел жаждой совершить что-нибудь необыкновенное, после чего он был бы в состоянии смотреть прямо в глаза Нине... Два или три раза по ночам Амед выходил с ним из крепости и шатался по окрестностям. Возвращались назад они угрюмые и усталые и сейчас ложились спать. Давно уже была уменьшена дача даже больным. Доктор

полетел было к коменданту.

— У меня раненые с голоду перемерут... — закричал он ещё издали.

Брызгалов взял его за руку и повёл в крепостные склады. Доктор вышел оттуда хмурый и молчаливый и на прощание молча пожал руку старому коменданту.

Нина бледнела и худела на его глазах, но у Степана Фёдоровича как-то за последнее время заострено сердце. «Всем пропадать приходится! — думал он. — Лучше так, чем в когтях у тех», — мысленно указывал он на становища горных дружин, бездействовавших вокруг крепости. Солдаты чутко поняли это. Ослабевшие, больные, голодные, они слонялись по площади и только тютюном да махоркой обманывали себя... «Сегодня по полсухаря пришлось!» — замечал кто-нибудь. — «А ты размочи его в воде и ешь... Воды-то побольше... Вроде похлёбки»... Собакам было лучше всего, — они с голоду бросались на баранов, отбивавшихся от стад по долине Самура, затравливали их и возвращались в крепость сытые, с выпачканными в крови мордами... В кухне — с тех пор, как крепость уни-

чтожила последнюю лошадь, не зажигали огня вовсе... Шамиль хорошо знал это — и ждал... Он решился дать ещё несколько дней поголодать осаждённым и тогда взять их руками... Как-то он прислал к Брызгалову наиба с письмом, предлагая почётную сдачу. — Наиб нахально явился не парламентёром, а чем-то вроде победителя. Его, по его требованию, впустили, но комендант, желая произвести на упавший духом гарнизон крепости сильное впечатление, наиба приказал повесить. Долго мимо стены, где болталось тело бедного лезгина, Нина не могла проходить. Теперь уже никто в крепости не заикнулся бы о сдаче, какие почётные условия ни предложил бы Шамиль. Собрав своих, Брызгалов предупредил их: «Всякому, кто заикнётся о том, чтобы оставить крепость, ближайший должен всадить пулю в лоб. И со мной первым поступите так!» Весть об этом облетела всю крепость. Солдаты подбодрились...

Каждое утро Брызгалов выходил на бастионы и смотрел...

Ему казалось, что экспедиция должна уже быть в горах, и что скоро-скоро все эти полчи-

ца бросятся домой на защиту своих аулов...

Но, увы, дни шли за днями, а лагерь Шамиля оставили пока только дикие андийцы, потерявшие всякую надежду на быстрый грабёж...

«Что же я скоро буду раздавать своим?.. Сухарей — осталось несколько мешков», — тревожно и день, и ночь думал Брызгалов. Как он ни прикидывал, — их бы хватило ещё на три дня, не более.

В одну из таких минут к нему явились наконец Амед, Мехтулин и Левченко.

Они заперлись с комендантом и о чём-то переговаривались. К вечеру им приказали выдать лезгинское платье, снятое с мёртвых у крепости. Часов в двенадцать тихо отворили крепостные ворота, и трое переодетых удалцов исчезли во мраке ночи... Ни одной звезды не сияло в небесах... После ливня и бури тучи стояли непроницаемой кровлей над долиною Самура... В нервном волнении Брызгалов ходил по стенам. Солдаты, попадавшие ему, мучили ему душу своим видом. Голодные, истощённые, они слабели у него на глазах. «Как я с ними отобьюсь от нового штурма? — ду-

мал он, следя за их неровною и неверною походкой. — Как я с ними отобьюсь?.. Ведь Шамиль теперь возьмёт нас руками... Хорошо ещё, если удастся Амеду. Да куда, — дело страшно рискованное»... А сам послал Кнауса по всем секретам — предупредить: не трогаться, что бы ни случилось сегодня... Чу! В долине раздался выстрел... Брызгалов вздрогнул... Потом оправился. Это не в той стороне, куда направился Амед... Вон далеко-далеко горят костры у неприятеля... Им хорошо, у них всего вдоволь... «Поди, — жарят теперь шашлыки и пьют айран»... И у него даже ноздри заходили как у голодной собаки при виде вкусного блюда. По лицам солдат, по их взглядам, прикованным к ярким точкам тех костров, он отгадывал, что и они думают о том же...

— Хорошо бы теперь каши! — вырвалось у кого-то. — Либо щей...

— Молчи!.. — ткнул его солдат локтем. — И без тебя, дурака тошно...

«Нина совсем гаснет... Если бы Бог помог Амеду»...

Тишина этой ночи была удивительна. Ка-

залось, всё замерло кругом, всё точно прислушивалось... Даже Самур не шумел. Полные воды его медленно, без прежней ярости, катились на восток. Водопады, ещё утром шумевшие, к ночи иссякли, и по ущельям едва-едва влачили холодные звенья истощившиеся в своей злобе горные потоки... Амед, Левченко и Мехтулин медленно-медленно крались к горам, останавливаясь поминутно и боясь засады. Но, очевидно, лезгины не верили, чтобы истомлённый голодом и беспрестанными стычками гарнизон крепости решился на что-нибудь... По всему этому пространству их не было... Набежала было сторожевая собака да, узнав своих, весело и ласково завиляла хвостом и кинулась прочь на какой-то почудившийся ей шум. Мехтулин заговорил было с Амедом, но Левченко остановил его... Часа два шли наши, пока им не послышалось вдали мерное дыхание... Во мраке всё-таки можно было различить что-то серое, лежавшее на земле одним сплошным пятном... Громадные овчарки с ожесточённым лаем кинулись к Амеду и Мехтулину. Оба остановились как вкопанные. Когда озверелые псы подбежали

близко, наши сунули им куски конины. Хрипя и задыхаясь от бешенства, собаки схватились за них и в тот же момент обе без звука рухнули на землю под ударами кинжалов. Кто-то крикнул издали. Ближайшие овцы шархнулись куда-то. Крикнули ещё раз: должно быть, пастух-дидоец всполошился, но, обманутый спокойствием и тишиною, подумал, что это ложная тревога, и опять заснул, завернувшись в бурку. Тихо-тихо ползли к нему наши... Левченко зорко выглядывал вперёд... В стаде было штук сто-полтораста баранов... Дидойцы с собою привезли провиант «на ногах», как это они делали часто. Амед был уже близко от пастуха... Тот, верно, почувствовал что-то, вновь приподнялся и насторожился. Но ночь молчала, не выдавая своей тайны. Он вгляделся. Во мраке виднелись, и то смутно, вершины деревьев... Вверху — ни одной звезды... Дидойцу стало холодно, он опять завернулся в бурку и улёгся. Амед и Мехтулин — старались не дышать... Скоро послышалось лёгкое храпение пастуха... Юноши как змеи подобрались к нему... Мехтулин первый и поднял голову над головою того... Пастух

опять встревожился во сне и открыл глаза... Но татарин — спокойно, верной рукой в самое сердце ударил его кинжалом, так что на губах несчастного проступила пена, и он, не крикнув, вытянулся, чтобы уже не вставать более...

— Тут должен быть другой пастух! — прошептал Мехтулину Левченко... — Они всегда вдвоём...

— Да... Надо искать...

— Вокруг стада поползём.

Ещё полчаса прошло в томительных поисках, — пастуха не было...

— К своим, к кострам на ночь ушёл.

Костры отодвинулись далеко назад на более сухое месте, — овцы же заночевали на самом пастбище, где было сыро... Вероятно, второй дидоец вернулся к огням, рассчитывая, что при стаде довольно и одного с собаками. Амед отыскал лошадь убитого, татарин — отлучился в сторону, — наткнулся на другую такую же, подрезал ей треног и сел на неосёдланную... Левченко остался пешком.

— Хочешь, я тебе найду коня?

В татарине сказывалась душа настоящего

барантача. Если не для себя, то хоть для приятеля ему хотелось украсть ещё одну лошадь...

— Не... не привыкши... Мы отродясь в пешоте! — отбивался Левченко... — Да мне и способней овец подымать...

Он уже не чувствовал никакой боли от недавней лёгкой раны и ходил по долине как у себя дома.

В голове стада он отыскал старого барана с громадными закрученными рогами и погнал его... Вожак, нехотя, поднялся и медленно пошёл вперёд. Левченко спугнул других баранов, оба — Амед и татарин Мехтулин — старались, чтобы овцы не отбивались от стада. Тихо двинулось оно за первым... Бараны шли неохотно, бок к боку, сплошной массой. Отбивались только задние, но их подгоняли всадники. Маленькие ягнята путались между матками, попадая им меж ног, падая на землю... Двое или трое животных ушли было в сторону, но, следившая за своими крепостная Валетка, невесть откуда вдруг явилась на место действия и подогнала их.

— Ай да Валетка! Спасибо тебе, слуга верная! — радовался Левченко.

А тут вдруг к нему что-то подкатилось под ноги, радостно взвизгивая.

— Да и ты здесь?

Он узнал ту, которая всегда с ним ходила на охоту...

— Ну, братцы, теперь с полгоря... Лайка с нами. А она всё понимает как человек. Даже, поди, умнее другого человека...

Лайка сейчас же доказала всю справедливость этой аттестации. Она стала обегать стадо — так разумно, точно всю жизнь прослужила в овчарках. Она — с одной, Валетка — с другой стороны, всадники — позади погнали баранов быстрее. Блеяние молодых ягнят слышалось повсюду, но оно пропадало бесследно в тяжёлой тишине ночи. Амед думал, что всё обойдётся счастливо, и заранее радовался успеху... Он, завернувшись в бурку убитого Мехтулином пастуха, ехал себе, мечтая о том, как будут счастливы все в крепости завтра... И вдруг вдали слышались оклики... Татарин стал было вынимать ружьё из бурочного чехла, но Амед остановил его.

— Погоди... Их много...

Действительно, слышалось шесть или

семь голосов. Стадо остановилось. Усталые и желавшие спать бараны начали валиться на землю и сбиваться в сплошную кучу.

— Ждите меня!

Амед смело ударил коня нагайкой и двинулся навстречу ехавшим.

По красному платью, и то, когда он подъехал близко-близко, он различил наiba... С наибом ехало человек шесть лезгин. По щёголеватому оружию Амед понял, что перед ним салтинцы. Зорко всмотрелся юноша в лицо наiba и вздрогнул. Он узнал кабардинского князя Хатхуа, своего дядю и кровного врага их рода в то же время. Но юноша недаром вырос в горах. Он равнодушно проговорил свой селям и спросил по-дидойски:

— Куда я еду, господин?

Дидойцы слынут дураками в горах, и потому Хатхуа со своими улыбнулись.

— Куда?.. Прямо к шайтану...

— Должно быть, ты с ним знаком, что так верно указываешь дорогу?!

Хатхуа вспыхнул и схватил предполагаемого дидойца за руку.

— Осторожнее, горная собака! С тобой го-

ворит князь Хатхуа...

Кровь ударила в лицо Амеду. Вся воспитывавшаяся в нём годами юности и семейными преданиями ненависть поднялась вокруг его головы одуряющим туманом. Но, зная, где он, и что делает, Амед быстро овладел собою.

— Прости, господин! Ночью все люди равны... Перед её тьмой как и пред Аллахом нет ни раба, ни князя... Я хотел спросить, где стоят салтинцы...

— Зачем их тебе? — выступил позади молодой человек, ехавший несколько боком в седле, по салтинскому обычаю...

— А ты кто?

— Я - салтинец... Пятисотенник Джансеид!

— Слышал я о тебе... Слышал... Старики в Салтах купили у нас стадо и послали своим... сюда. Мы шли пять дней, десяток баранов потеряли, но ещё сотни полторы осталось...

Амед знал, что салтинцы стоят на противоположной стороне лагеря, — и к тому месту надо пройти мимо крепости...

— Ты что же по ночам гонишь?..

— А русские?

— Русские! — презрительно вырвалось у

Джансеида. — Они теперь как полевые мыши сидят в норе и только об одном и думают, как бы им не попасть в руки к нашим коршунам.

— Потом сам знаешь, — у нас работа, нам надо скорее вернуться. А бараны у вас отдохнут и завтра.

— Селим, покажи им, где наши! — приказал Хатхуа. — Да возвращайся скорее!..

Молодой человек отделился и поехал рядом с дидойцем, за которого он принимал Амеда.

— Ты сам из Салтов?

— Да! — отрывисто проговорил Селим.

Ему как родовитому лезгину казалось постыдным разговаривать с простым дидойцем, да ещё пастухом.

— Хорошо у вас в Салтах!

Селим не отвечал ни слова. Амед прислушался, как вдали замер топот коней Хатхуа и его свиты, и насмешливо продолжал, обращаясь к Селиму:

— Хорошо у вас в Салтах, только жаль, что Алла языка вам не дал. А впрочем, — язык говорит, когда голова думает. А не думает голова, — языку делать нечего.

— Удержи свой, а то я тебя заставлю по-пробовать моей нагайки...

— У нас, у дидойцев, — нагайка только для рабов... Свободные люди у нас рассчитываются кинжалами, а мой в порядке.

И он показал его Селиму.

Тот надменно взглянул на Амеда.

— погоди, — придём в лагерь, я посмотрю, какова у тебя спина...

И уже не обращая внимания на Амеда, тихо запел первую песенку, пришедшую ему в голову...

— У нас иначе поют, — вмешался опять Амед.

— Дидойцы не поют, а лают.

— Аллах дал каждому народу дар песен, чтобы в них люди собирали и слёзы, и радости свои. Заносчивым салтинцам не мешало бы знать, что сказал пророк про быка, смеявшегося над орлом, у которого нет рогов...

— Ты, верно, учился, кое-чему?

— Да!.. — улыбнулся Амед.

Он сообразил, что теперь он уже близок к русским секретам.

— Разве у дидойцев завелись школы?..

— Мы не у себя. Я, например, кончил русскую в Дербенте.

— Что? — приостановился Селим. — Кончил русскую... Для того, чтобы сделаться простым пастухом?

— При надобности и беки пастухами бывают...

Вдали послышался говор... Амед понял, что Левченко наткнулся на своих...

— Да, господин, когда нужно, и ты, пожалуйста, прикинешься...

И он вдруг замолчал. Селим схватил его за руку...

— Смотри, — с твоей болтовнёй мы чуть не наткнулись в этой темноте на гяуров.

В стороне направо блеснул факел... другой... Амед понял, что их зажгли на башне крепости как сигналы.

— Скорей назад, не то у тебя не останется ни одного барана, да и сам ты лишишься головы.

— Как же ты говорил, — прикинулся Амед удивлённым, — что русские как мыши сидят в норах.

— Я тебе приказываю, — скорее прочь от-

сюда...

Вдали говор стал яснее... Не успел Селим прислушаться к нему, как его схватили сильные руки, и в одно мгновение ни кинжала, ни шашки на нём не было... Селим вспомнил было о пистолетах, но татарин оказался на страже, и рука Селима попала в его руки как в железные клещи... Амед наклонился и взял у Селима пистолеты.

— Послушай, гордый салтинец... Я мог бы сейчас перерезать тебе горло, да мне жаль твоей молодости. Я тоже молод, моложе тебя ещё, — а умереть мы всегда успеем... Притом, когда ты пел свою песню, мне казалось, что у тебя дома есть невеста... Я не хочу, чтобы она плакала о тебе. Возвращайся назад. Я не отниму даже и коня у тебя. Возвращайся назад и скажи князю Хатхуа, что он обманут его кровным врагом, сыном Курбана-Аги — Амедом... Постой, ещё не всё... Скажи — тем же самым Амедом, который, желая помочь своим друзьям русским, прорвался через ваши скопища и украл коня у князя Хатхуа... Я бы, пожалуй, ему вернул, да тот утонул у меня в Самуре. И ещё ему передай, чтобы он не встречался со

мною. А если встретится, то... Впрочем, нет... Раз я уже пощадил его жизнь... Вот всё... Теперь — спеши скорее к своим и знай, что не всегда бывает пастухом тот, кто таким кажется!..

Он ударил изо всей силы нагайкою коня Селима, тот взвился и кинулся прочь от наших...

Ещё два факела на стенах крепости запылали багровым светом, далеко виднеясь в густом мраке, окружавшем всё.

Амед, Мехтулин и Левченко весело погна-ли баранов...

Утром в Самурском укреплении был настоящий праздник. Стадо оказалось в сто шестьдесят голов. Гарнизон с этим мог продержаться ещё недели две. На кухнях запылали огни... Солдаты весело толпились кругом и шутили. Уныния как не бывало. Нина радостно смотрела на Амеда, слушая рассказ о его похождениях.

— Какой вы смелый!.. Какой вы хороший! Я в Петербурге о таких как вы читала только в романах...

И он доверчиво и счастливо смотрел в её

сияющие очи... И вдруг у него вырвалось:

— Зачем у нас не одна вера?..

Нина вспыхнула...

— Почему это вам пришло в голову?

— Потому что вы всегда будете на меня смотреть как на чужого...

— Неправда! — горячо заговорила Нина. — Вы никогда-никогда — ни мне, ни моему отцу не будете чужим. Напротив, напротив... Вы же сами говорили, Амед, что Бог один.

Но елисуец потупился и отошёл прочь.

В тот же вечер — у Брызгалова он опять подошёл к Нине.

— По-нашему ага, бек — то же, что по вашему дворянин. Правда это?

— Не знаю... А вам зачем, Амед?

— Так... Я хочу знать это.

Обратились к Степану Фёдоровичу, — тот подтвердил.

— Значит, я равен им всем, — показал он на Кнауса и Незамай-Козла.

— Ещё бы, понятно, равны!.. — даже обиделась за него Нина.

— Как бы мне хотелось узнать что-нибудь о вашем Боге! — мечтательно заговорил

Амед, не отводя сияющих глаз от смущённого лица девушки... — Как бы я хотел знать о нём всё, что знаете вы... Нам говорили в медресе, будто ваш Исса [1] был тоже великий пророк, но он учил всему так строго, что людям было невозможно жить, как он хотел. Потому Аллах, который любит нас, послал к нам ещё более великого пророка Магомета. Учение его по силам людям... Оно не так сурово как учение Иссы... Трудно идти за Иссою и легко за Магометом...

Радостное чувство охватило Нину.

— Знаете что, Амед? Хотите узнать всё про этого Иссу, как вы зовёте Его? Хотите, я с завтрашнего дня стану рассказывать вам о нём?.. Я знаю, вы Его полюбите, как мы все Его любим... А потом...

И она не кончила своей мысли, только стала удивительно ласкова со всеми и, встречаясь глазами с Амедом, улыбалась ему так светло, что молодому горцу приходило в голову: если Исса смотрит теперь её глазами, то он, Амед, готов полюбить Его так же, как любит её...

— Амед, идите сюда! — звали его офице-

ры. — Мы вашего ягнёнка начинаем... Вы вина не пьёте, а всё-таки мы чокнемся с вами. За ваше здоровье! Без вас мы бы все поумирали с голоду.

Елисуец, краснея, чокался с ними, но нетронутый стакан с вином ставил около.

На другой же день, справившись с больными и ранеными, Нина застала на площади Амеда... Тот поднял папаху — и внимательно следил за девушкой... Он не смел сам ей напомнить её обещание. Она казалась ему до такой степени утомлённою.

— Ну, что, Амед, вы ещё не раздумали?.. Всё ещё хотите знать об Иссе?

— Да... Хочу... Я давно хотел... Ещё в Дербенте учился, хотел... Но там некому было рассказать мне...

За окнами комнаты, которую прежде занимала Нина, был маленький палисадник. Тут рос большой карагач; несколько розовых кустов, осыпанных цветами, разливали кругом нежный аромат... До осады крепости сюда слетались птицы и с утра до ночи щебетали и суетились, но гром орудий и трескотня ружейных выстрелов давно распугали перна-

тых гостей. Только ещё в густой вершине чинары оставались они, точно считая её листву достаточною для защиты...

— Сядем здесь... — скамейка, на которую указала Нина, была как раз под карагачом. — Сядем здесь... Я думаю, что сумею рассказать вам. У меня по закону Божию всегда было двенадцать баллов...

— Что такое закон Божий?

— Ну, правила, которые установлены Богом, чтобы вести хорошую жизнь...

— А... по-нашему — шариат [2]... У вас адата нет... Ау нас и шариат, и адат, только адат легче... Шариат труднее адата [3]...

— Какой вы наивный... Законом Божьим у нас называлась и священная история...

— Это об Иссе?

— И об Иисусе Христе, и о том, как Бог создал мир, и обо всём.

— Рассказывай, пожалуйста, рассказывай... Много рассказывай. Я очень буду слушать тебя. Я так буду тебя слушать, что ничего не забуду.

Амед сам не заметил, как он, по восточному обычаю, перешёл на ты...

Нина, вся полная ей самой непонятного, внутреннего трепета, — тихо, ласково начала рассказ... Она забыла о том, что рядом с ней сидит разгоревшийся от любопытства елисуец-полудикарь и ловит каждое её слово, — точно это драгоценный жемчуг, падавший в его руки. Перед ней рисовались сожжённые солнцем скалы Палестины, масличные деревья, росшие на её каменистой почве, жалкие сёла и города, похожие на слепившиеся каменные гнёзда...

— Совсем наши аулы!.. — тихо проговорил Амед.

Странно! Она сама никогда не думала, чтобы эти картины так глубоко запали в её душу. Она говорила, закрыв глаза, вся бледная, и ей казалось, что её уста повинуются кому-то другому, вселившемуся в неё в эту минуту... Это он говорил её устами, он создавал в её памяти дивные образы...

— У нас тоже есть ангелы! — сорвалось у Амеда. — У нас тоже есть ангелы... Только они женщинам не являются. По нашему — не хорошо, по нашему, женщина — полчеловека... Это у нас не так... И здесь чувствую, что не

так, не правда у нас... — дотронулся он до сердца.

Ясная Вифлеемская ночь... Ярко горят звёзды святого неба... Белея под луною, чуть мерещатся повитые синими тенями стены жалкого города... Одна звезда ярче всех... Так ярка она, что шейхи пустыни — цари-маги заметили её и угадали, о чём она засияла возвестить миру, утомлённому жестокостью и злобою... Тихий свет факела струится из убогой лачуги... В яслях лежит Спаситель мира, родившийся среди уничижения и обречённый кресту...

— Цари приходили поклониться Ему... А он в яслях!.. — с недоумением повторяет Амед.

— Так надо было! — убеждённо обращается к нему Нина. — Вы подумайте, Бог, создавший мир из ничего одним словом, — разве не мог воздвигнуть Сыну дворцов бриллиантовых?.. Но Он для Него выбрал низкий удел... Со смирением явился Сын Божий на землю и освятил примером Своим всех, кто так же как и Он смирен душою...

— Да, Он мог... Разумеется, мог... Если у на-

шего Магомета бирюзовые дворцы... Чего же Аллах не сделал бы для Своего Сына!.. Так надо было... И цари пришли поклониться нищему в яслях?..

Другая ночь, зловещая, мрачная... Ужас и отчаяние повсюду... Ирод послал убийц. Все младенцы должны быть истреблены в эту страшную, преступную ночь... Амед хватается за кинжал... Вспыхивает...

— Разве не было там храбрых людей — прийти и убить Ирода?.. Я бы!..

Но он вдруг успокаивается и точно видит далёкую дорогу — в дивный Египет... Иосиф и Мария везут туда на осле Божественного Младенца... С ними спасение мира — его единственная надежда... С ними воскресение в жизнь вечную...

Амед не даёт сам себе отчёта, что с ним, но у него на глазах слёзы... «Так надо было, так надо было»...

Потом уже Амед слушал всё с более и более возрастающим вниманием.

Вот юноша Христос работает в дому отца своего... Учится во храме...

— Он сам мог их научить всему.

— Он должен был пройти всю жизнь простого человека.

— Зачем?

— Затем, чтобы показать, что в самом скромном звании можно достигнуть спасения, можно сделать то же, что сделал Он. А тут его первая проповедь!..

В мире, где до сих пор око шло за око и зуб за зуб, где месть была законом и карою, где библейский Бог ужасом оковывал сердца людей — вдруг прозвучали сладкие и чистые слова любви и всепрощения...

Амед опустил голову на руки...

Он весь был в волшебном мире... Его душа плавала в благоуханном тумане, прислушиваясь к чудным райским песням... Этих мгновений он не променял бы ни на что другое...

— Счастливы были те, которые видели и слышали вашего Иссу! — вырвалось у него... — Скажи мне, у тебя нет книги, где всё это написано? Ты мне дай — я её прочту...

— Есть, Амед. Я пришлю её вам...

— Пожалуйста, скорей пришли. Я несколько раз прочту её... Только, надо ли прощать даже врагам своим?

— Разумеется... Это прежде всего... У нас есть молитва «Отче наш», где мы каждый день повторяем: «и остави нам долги наши, яко же и мы оставляем должникам нашим».

— Это что же значит?

Она ему объяснила... Только что она хотела было продолжать рассказы, как её позвали в лазарет...

— До завтра, Амед. Приходите слушать, — я до конца вам расскажу всё...

Он поднялся ей вслед. Приподнял папаху, да так и остался на месте... Лёгкий ветерок колыхал листьями карагача, срывал лепестки роз и вместе с благоуханием нёс их в лицо ему... Изредка слышались выстрелы издали... Долетало пение: «Надгробное рыдание!..» Священник хоронил ещё одного солдата, скончавшегося от ран... Небо сегодня было безоблачно и чисто. Далеко-далеко серебряною митрою своею сияла на краю его какая-то гора...

— Всех прощать и никому не мстить!.. Этого я никогда не пойму... Нет, Магомет знал лучше людей... Хотя прощать хорошо, если можешь... Тогда всем приятно было бы жить

на земле... Да, разумеется, приятно — только нельзя этого. Хатхуа мне не простит, и я ему тоже не прощу... Это Богу было легко, а человеку трудно... Жаль, что я не жил в то время... Я бы пошёл в их аулы, послушать Его... Должно быть, Он хорошо говорит. — и, сам не зная, что делает, он вдруг наклонился и поцеловал землю, по которой только что прошла девушка...

1902

Примечания

Исса — Иисус Христос.

[^^^]

2

Суд и правила по Корану.

[^^^]

3

То же по народному обычаю.

[^^^]